

П.П.Яковлев

Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности

Глобальная экономика переживает противоречивый, нестабильный период своего развития, сопряженный с глубокими изменениями качественного характера. Процессы, развивающиеся в мире, оказывают разнонаправленное воздействие на положение латиноамериканских стран, перед которыми встают новые сложные проблемы и задачи стратегического порядка. В актуальную повестку дня государств региона входят проведение структурных реформ, смягчение социального неравенства и перезагрузка национальных моделей экономического роста. Решение именно этих вопросов будет иметь определяющее значение для будущего Латинской Америки.

Ключевые слова: глобальная экономика, сырьевой суперцикл, Латинская Америка, технологическая революция, мегаблоки.

Мировая экономика, не до конца оправившаяся после кризиса 2008—2009 гг., сталкивается с новыми вызовами и вступает в сложный и противоречивый период своего развития. Сразу несколько значимых событий не просто драматическим образом совпали по времени, но выстроились в цепь негативных эффектов, потрясших международные финансовые и товарные площадки в 2015 г. и дающих о себе знать в году текущем. Практически завершился промышленный сверхрост Китая, обрушились цены на горно-рудное сырье и углеводородные энергоносители, обвалились фондовые рынки, обострились глобальные дисбалансы, снизила обороты трансграничная торговля, затормозилось экономическое развитие большинства развивающихся стран, рецессия охватила государства-гиганты Бразилию и Россию. Как отмечалось на страницах авторитетного британского журнала «The Economist», череда финансово-экономических шоков продемонстрировала хрупкость мировой экономики и «выпустила на свободу монстров глобальной нестабильности»¹.

Петр Павлович Яковлев — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (petrp.yakovlev@yandex.ru).

Именно сочетание разнородных факторов привело к усилению международной турбулентности (если не сказать хаоса) и указало на то, что глобальные экономические структуры втягиваются в процесс глубокой и во многом болезненной трансформации. Результатами этих изменений стали широко обсуждаемое экспертами формирование модели роста в логике «новой нормы» (new normal economy), а также нестабильность и неопределенность, охватившие многие страны и регионы мира, в том числе Латинской Америки.

МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБЛИК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На сегодняшний день общим знаменателем сдвигов, которые происходят в мире, является формирование новой макроэкономической парадигмы, предполагающей ряд качественных трансформаций в глобальном хозяйстве и меняющих сам процесс глобализации. В том числе: сравнительно невысокие темпы экономического роста государств и отдельных регионов (см. таблицу 1); наметившийся переход экономик передовых стран на более высокий технологический уклад (четвертая промышленная революция) и связанное с этим изменение роли отдельных отраслей, а также науки, техники и образования; формирование интеграционных межконтинентальных мегаблоков, меняющих условия и правила международной торговли; угроза возникновения и распространения «валютных войн»; повышение общественного внимания к проблеме социального неравенства и его влияния на динамику и содержание экономического развития. Другими словами, очень многое кардинально меняется, и в этих условиях становится крайне сложно и даже рискованно прогнозировать дальнейший ход событий.

Склонный к афористичным и парадоксальным сентенциям крупнейший международный инвестор Уоррен Баффетт (знаменитый Оракул из Омахи) заметил, что никогда не придает значения экономическим прогнозам, поскольку «не читает юмористических рассказов»². Но, несмотря на такой сарказм, в среде экспертов нет недостатка в прогнозах на будущее в тесной привязке к оценкам текущего состояния мировой экономики. Характеризуя нынешнее состояние дел на международном уровне, профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, известный из-за своих алармистских предсказаний как «Буревестник кризисов» и «Доктор апокалипсис» (Dr. Doom), отметил на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе в январе 2016 г.: «Это не 2008 год...пока. Но правительства должны действовать быстро»³. В качестве одного из главных глобальных рисков маститый экономист назвал замедление роста китайской экономики (см. таблицу 1).

Согласимся, что для такой тревожной оценки имеются веские основания. В последнее время китайскую экономику, долгие годы являвшуюся главным двигателем глобального хозяйственного роста и мощно толкавшую вверх мировую торговлю, стали характеризовать проблемы, поражающие воображение своими масштабами. Причем показательно, что торжество Китая произошло в тот момент, когда он подошел к вершине своего экономического могущества и по размеру ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности национальных валют, превзошел США: в 2014 г. соответственно 18,0 и 17,4 трлн долл. При этом КНР становится

все более капиталистической страной: в январе 2016 г. 1,3 млн китайцев впервые открыли счета для игры на бирже, в результате чего общее число местных инвесторов превысило 100 млн человек — на 12 млн больше, чем количество членов Коммунистической партии Китая⁴.

Т а б л и ц а 1

ДИНАМИКА МИРОВОГО ВВП К ПРЕДЫДУЩЕМУ ГОДУ (в %)

Страны и регионы	Годы					
	2013	2014	2015*	2016**	2017**	2018**
Весь мир	2,4	2,6	2,4	2,9	3,1	3,1
Развитые государства	1,2	1,7	1,6	2,1	2,1	2,1
США	1,5	2,4	2,5	2,7	2,4	2,2
Государства зоны евро	-0,2	0,9	1,5	1,7	1,7	1,6
Великобритания	2,2	2,9	2,4	2,4	2,2	2,1
Япония	1,6	-0,1	0,8	1,3	0,9	1,3
Развивающиеся страны	5,3	4,9	4,3	4,8	5,3	5,3
Азиатско-Тихоокеанский регион	7,1	6,8	6,4	6,3	6,2	6,2
Китай	7,7	7,3	6,9	6,7	6,5	6,5
Европа***	3,9	2,3	2,1	3,0	3,5	3,5
и Центральная Азия						
Турция	4,2	2,9	4,2	3,5	3,5	3,4
Латинская Америка	3,0	1,5	-0,7	0,1	2,3	2,5
Бразилия	3,0	0,1	-3,7	-2,5	1,4	1,5
Ближний Восток и Северная Африка	0,6	2,5	2,5	5,1	5,8	5,1
Египет	2,1	2,2	4,2	3,8	4,4	4,8
Южная Азия	6,2	6,8	7,0	7,3	7,5	7,5
Индия	6,9	7,3	7,3	7,8	7,9	7,9
Африка к югу от Сахары	4,9	4,6	3,4	4,2	4,7	4,7
ЮАР	2,2	1,5	1,3	1,4	1,6	1,6
Страны BRICS	5,7	5,1	3,9	4,6	5,3	5,4
Россия	1,3	0,6	-3,8	-0,7	1,3	1,5

* Оценка.

** Прогноз.

*** Европа вне зоны евро.

Источник: The World Bank. Global Outlook Summary: January 2016 Forecasts. — <http://www.worldbank.org/>

Ошеломив весь мир непрерывным (в течение нескольких десятилетий) наращиванием производственной мощи и превратившись во «всемирную фабрику», крупнейшего импортера сырьевых и продовольственных товаров и важный источник инвестиций и кредитов для десятков стран, Китай в 2013—2015 гг., без всякого преувеличения, стал одним из факторов неста-

бильности на глобальных товарных и финансовых рынках. В 2015 г. китайский ВВП впервые за 35 лет вырос меньше чем на 7%, а с учетом ослабления юаня и беспрецедентных колебаний на местном фондовом рынке (на биржах Шанхая и Шэньчжэня) сегодня ясно, что КНР не является страной, неуязвимой для кризисных потрясений. К этому следует добавить колоссальное «бегство капитала» из Поднебесной, достигшее в 2015 г. 676 млрд долл. (92% общего объема оттока инвестиций из развивающихся государств, составившего 735 млрд долл.)⁵. Уже одни эти цифры показывают, что замедление экономики Китая имеет глобальное измерение, генерирует отрицательный мультипликативный эффект.

На фоне неустойчивого состояния мировой экономики все отчетливее прослеживается стремление к финансово-экономической конвергенции западных стран во главе с США, инициировавших учреждение Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP). Это — ключевой элемент формируемого механизма максимально тесного сотрудничества Соединенных Штатов с государствами Европейского союза. Принципиально важно, что TTIP (наряду со снятием по обе стороны Атлантики еще имеющихся торгово-финансовых барьеров) нацелено — и это самое главное — на создание институциональных основ гармонизации американских и европейских бизнес-стандартов и норм регулирования предпринимательской деятельности. При этом, как отмечают многие аналитики, основные дивиденды от трансатлантической интеграции получат наиболее конкурентоспособные международные высокотехнологичные корпорации и крупнейшие банки США, что неизбежно приведет к ущемлению интересов европейского бизнеса и (по примеру более либеральной Америки) ослабит социальные устои Евросоюза⁶. Другими словами, усиливая акцент на Европу и создавая трансатлантический интеграционный мегаблок, Вашингтон ведет интенсивный поиск новых рамок своего финансово-экономического (а, следовательно, и политического) лидерства на пространстве Старого Света, стремится максимизировать эффект обладания стратегической инициативой.

Практически синхронно, столкнувшись с натиском Китая на мировых рынках, Вашингтон изобрел и в настоящее время реализует формулу отношений с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, предполагающую известное торгово-экономическое обособление Поднебесной⁷. Так родилось Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP) — межконтинентальный интеграционный мегаблок, соглашение о создании которого было подписано 4 февраля 2016 г. на встрече министров 12 государств в новозеландском Окленде. (В TPP вошли Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония.)

Образование формата TPP, по сути, знаменует начало перехода мировой экономики на более высокий уровень глобализации и регионализации. Можно согласиться с российскими учеными Василием Васильевичем Михеевым и Виталием Григорьевичем Швыдко, считающими, что тихоокеанский мегаблок предполагает не только (и не столько) снижение тарифных и нетарифных ограничений международной торговли и трансграничного движения капитала, но выстраивание единых правил игры для мирового бизнеса, защиту интересов крупнейших корпораций (прежде всего высоко-

технологичных), включая их исключительные права на получение инновационной ренты от интеллектуальной собственности⁸. Это — принципиально новые элементы процесса глобализации.

Далеко идущие последствия может иметь принятое в декабре 2015 г. решение Федеральной резервной системы (ФРС) Соединенных Штатов впервые за девять лет повысить базовую процентную ставку на 0,25 процентных пункта. Казалось бы, изменение незначительное, но в условиях глобальной нестабильности этого достаточно, чтобы дополнительно привлечь в США инвесторов, закрепить наметившуюся тенденцию оттока капитала с рынков развивающихся стран. Действуя подобным образом, американские власти рассчитывают «перетянуть на себя финансовое одеяло» и придать дополнительный импульс внутреннему экономическому росту.

Однако реальное развитие событий не вполне отвечает наиболее смелым ожиданиям Вашингтона и ослабляет анестезирующий эффект оптимистических заявлений Белого дома. Периодически возникающая турбулентность на фондовых рынках в первые месяцы 2016 г. не обошла стороной и американские площадки, и для многих компаний и банков стала тревожным сигналом латентного неблагополучия. Негативное воздействие на торговый баланс оказало укрепление доллара по отношению к большинству других валют. По данным Бюро экономического анализа при министерстве торговли США, в 2015 г. впервые с 2009 г. произошло сокращение экспорта товаров и услуг: с 2,34 до 2,23 трлн долл. (на 4,8%), что привело к увеличению внешнеторгового дефицита до рекордной суммы в 531,5 млрд долл.⁹. С учетом нестабильности в мировом хозяйстве и спада в международной торговле западные аналитики опасаются, что даже не слишком значительные негативные факторы могут подтолкнуть американскую экономику к рецессии. К такому выводу, в частности, пришел экономический обозреватель влиятельной газеты «The New York Times» Нил Ирвин¹⁰.

В известном смысле злую шутку глобализация сыграла с Европой. С одной стороны, усиление экономической мощи Китая и других развивающихся стран создало сильнейшую конкуренцию европейским товарам. Один из характерных примеров: в начале февраля 2016 г. правительства ряда государств — членов Евросоюза (Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Люксембурга, Польши и Франции) обратились в Брюссель с письмом, в котором призвали власти ЕС принять меры против импорта «дешевой» стали из Китая и России. Речь, по существу, идет о применении жестких протекционистских механизмов. Очевидно, что за кадром такой обеспокоенности и непрекращающихся обвинений КНР и РФ в «экстенсивном демпинге» лежит кризис европейской сталелитейной отрасли, которая с 2008 г. сократила количество рабочих мест более чем на 20%¹¹. Высокие социальные издержки этого тренда не могут не тревожить политических лидеров ЕС.

С другой стороны, европейская экономика в силу накопленных внутренних проблем демонстрирует анемичный рост, а ряд стран до сих пор не могут оправиться от кризисных потрясений 2008—2009 гг. и преодолеть рецессию. С целью выйти из экономического тупика и в полной мере воспользоваться возможностями четвертой технологической (промышленной) революции европейские финансовые власти, прежде всего президент Европейского центрального банка Марио Драги, переняли американский опыт недавнего прошлого и встали на путь насыщения ликвидностью в

размере 60 млрд евро в месяц банковского и реального сектора экономики стран Евросоюза — так называемая политика денежного стимулирования или количественного смягчения (*Quantitative easing*)¹².

Разумеется, отдельные (даже весьма масштабные) монетаристские меры могут временно вызвать положительный макроэкономический эффект, но они не в состоянии стать стратегическим ответом на те вызовы, с которыми сталкивается Евросоюз в настоящее время. В том числе: формирование на страновом уровне новых моделей роста, адекватных меняющимся глобальным «правилам игры»; радикальное повышение конкурентоспособности; выход из рецессии и переход на траекторию устойчивого развития; ликвидация финансовых последствий «греческой лихорадки»; выработка обновленной формулы участия в ЕС Великобритании; решение острой проблемы неконтролируемого притока мигрантов из государств Северной Африки и Ближнего Востока и т.д. Все перечисленное (и не только это) предполагает глубокие сдвиги в политике и экономике Европейского союза, с помощью которых европейские страны смогут залечить раны, нанесенные кризисом 2008—2009 гг.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «СЫРЬЕВОГО СУПЕРЦИКЛА»

Одним из важнейших последствий торможения роста китайской экономики (и международного хозяйственного развития в целом) явилось снижение мировых цен на многие сырьевые товары.

Примерно 12-15 лет назад стремительный рост спроса в Китае и ряде других динамично развивавшихся азиатских государств на природное сырье и продовольствие положил начало так называемому сырьевому суперциклу — периоду беспрецедентно высоких цен на *commodities* (основные торгуемые на биржах сырьевые и продовольственные товары). Наступили времена, когда страны — экспортеры из Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока своими растущими поставками утоляли сырьевой голод китайской экономики и получали сверхвысокие экспортные доходы. Ресурсная «ненасытность» КНР больше чем на десятилетие исказила баланс спроса и предложения, внушила международным трейдерам и властям развивающихся государств надежды на бесконечное повышение цен на сырье. Напомним, что еще совсем недавно и в нашей стране делались прогнозы о цене на нефть свыше 200 долл. за баррель.

Между тем «суперциклы» не являются чем-то исключительным. Это — известный феномен, присущий мировому товарно-сырьевому сектору, характеризующемуся чередованием периодов высоких и (сравнительно) низких цен. В основе данного явления лежат различные факторы, связанные, в частности, с масштабами инвестиций, объемами производства и предложения и — главное — уровнем спроса.

В 2014—2015 гг. глобальный рынок пережил «сырьевой удар», занявший «почетное» место в ряду других шоков, потрясших мировую экономику, и оказавший разнонаправленное воздействие на экспортеров и импортеров природного сырья и продовольственных товаров.

Показатели таблицы 2 демонстрируют, что цены на многие *commodities*, достигнув своего максимума в 2011—2012 гг., начали быстро снижаться. В целом ряде случаев падение котировок было весьма чувствительным и

ощутимо сказалось на доходах стран — экспортеров сырья. Например, в 2014 г. (по сравнению с 2011 г.) цены на все сырьевые и продовольственные товары сократились на 20%. При этом цена на медь упала на 22%, подсолнечное масло — на 23, соевое масло — на 30, кукурузу — на 31, сахар — на 35, железную руду — на 42, серебро — на 46% и т.д. В 2015 г. цены на большую часть сырья продолжали снижение, а нефтяные котировки за 18 месяцев (с середины 2014 г. по январь 2016 г.) обвалились на 75% — со 110 до 27 долл. за баррель¹³.

Т а б л и ц а 2

ДИНАМИКА ЦЕН НА СЫРЬЕВЫЕ ТОВАРЫ — *COMMODITIES*
(уровень цен за 2000 г. принимается за 100)

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
<i>Все сырьевые товары</i>	140,4	256,0	302,0	276,8	258,2	242,5
Сырая нефть	189,1	280,2	368,3	372,1	368,8	341,1
<i>Руды черных, цветных, редких и благородных металлов</i>	173,2	327,3	375,2	322,3	305,8	279,8
Золото	159,4	439,9	562,2	598,1	505,7	453,8
Серебро	146,8	404,1	705,4	624,3	477,3	381,5
Железная руда	—	183,9	210,1	160,9	169,5	121,4
Марганцевая руда	175,8	415,0	324,4	262,1	291,4	242,7
Алюминий	122,5	140,2	154,8	130,3	119,1	120,4
Медь	202,9	415,6	486,6	438,5	404,1	378,4
Никель	170,6	252,4	265,0	203,0	173,9	195,3
Свинец	215,0	473,2	529,0	454,1	471,8	461,6
Цинк	122,5	191,5	194,4	172,7	169,3	191,6
Олово	135,8	375,4	480,5	388,5	410,6	403,3
Вольфрам	366,6	404,7	715,4	643,3	619,5	594,5
<i>Продовольствие</i>	128,4	231,6	272,8	269,0	249,0	239,0
Пшеница	109,2	210,8	256,5	247,3	271,9	251,7
Кукуруза	103,8	226,8	332,5	312,9	280,5	230,4
Рис	141,2	255,8	270,9	284,8	254,7	209,3
Сахар	120,9	260,2	317,9	263,4	216,3	207,8
Говядина	135,2	173,8	208,6	214,1	209,1	255,2
Кофе	114,0	218,1	276,6	198,7	144,5	193,1
Чай	87,2	125,3	139,5	140,6	107,1	95,9
Соевые бобы	129,7	212,3	255,2	279,2	257,2	232,3
Соевое масло	161,2	297,2	384,3	362,7	312,5	269,0
Подсолнечное масло	172,9	274,2	347,2	322,3	286,8	230,2

Источник: UNCTAD Handbook of Statistics 2015. U.N., New York and Geneva, 2015, p. 286—288.

Безусловно, критическим для нефтяных котировок стал 2015 г., когда месяц за месяцем цены на «черное золото» пикировали все ниже и ниже.

Страны-экспортеры не смогли противостоять этому тренду, поскольку продемонстрировали повышенную нервозность, отказались от контрциклической стратегии и не стали сокращать добычу. Напротив, в членах ОПЕК, России и некоторых других государствах наблюдался рост производства и предложения, что явилось двигателем нисходящего ценового тренда и лишь усугубило и без того тяжелую ситуацию, вынудило власти «утаптывать» бюджетные расходы. (Только в феврале 2016 г. Россия, Венесуэла, Саудовская Аравия и ряд других нефтедобывающих стран договорились о замораживании добычи.)

Снижение котировок «черного золота» нанесло сильный удар по мировой нефтяной промышленности, ослабило позиции многих крупнейших корпораций. Например, одна из ведущих в мире интегрированных энергетических ТНК британская «British Petroleum» (BP) в 2015 г. уменьшила продажи на 37% по сравнению с 2014 г.: с 358 до 226 млрд долл. и объявила о планах значительного сокращения активов (путем их распродажи) и увольнения 7 тыс. работников. По признанию менеджмента, прошлый год стал для BP худшим за последние два десятилетия¹⁴. В свою очередь американская нефтегазовая компания «Chevron» в четвертом квартале 2015 г. впервые за 13 лет понесла чистые убытки в размере 588 млн долл., а в целом за прошедший год ее прибыли упали на 76%: с 19,2 млрд долл. в 2014 г. до 4,6 млрд долл. в 2015 г.¹⁵.

Падение цен на нефть имело еще одно знаковое последствие: резко снизился интерес (и сократились инвестиции) к разработке новых месторождений углеводородов, в том числе неконвенциональных, например, сланцевых и труднодоступных — в Арктике и на больших океанских глубинах. В самом деле, зачем вкладывать сотни миллиардов долларов в долгосрочные и рискованные проекты, если можно задешево и в неограниченных количествах приобрести имеющиеся на рынке углеводородные энергоносители?

Вполне естественно, что экспортерам нынешний уровень цен на нефть представляется необоснованным и объясняется (помимо выше отмеченных факторов) ожиданиями дальнейшего замедления мировой экономики, а также ростом производительности у сланцевых добытчиков в США и возвращением на рынок Ирана. И то, и другое вынудит страны-экспортеры адаптироваться к низким ценам и научиться жить в изменившейся макроэкономической реальности. В частности, неизбежны меры по секвестированию государственных расходов, в том числе инвестиций в нефтедобычу, что в перспективе может привести к сокращению производства углеводородного топлива.

Факты подтверждают, что на рынках сырья и продовольствия в большинстве случаев спрос достиг структурного максимума, и в настоящее время наблюдается переход от «суперцикла» к «новой норме». Этот процесс может продлиться несколько лет, в течение которых экспортеры и импортеры будут искать взаимоприемлемый уровень цен.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ТОРМОЖЕНИЯ

В значительной степени из-за завершения «сырьевого суперцикла» в число жертв глобальной турбулентности попали десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки. Буквально на глазах их положение в мировой финансово-экономической и торговой системе координат существенно из-

менилось в худшую сторону, что явилось крупным геоэкономическим и геополитическим сломом.

В самом деле, в период «золотого десятилетия» (2003—2013 гг.) — в годы высоких цен на *commodities* — новые игроки из числа развивающихся стран, включая латиноамериканские, упрочили экономические позиции в системе современного мироустройства, сделали заявку на повышение своей политической роли в международных делах¹⁶. Но, как показали события 2014—2015 гг., далеко не всем этим государствам удалось в полной мере воспользоваться благоприятной ситуацией и провести глубокую модернизацию производственных структур, кардинально изменить «фирменные признаки» традиционно присущей им зависимости от состояния дел в сырьевой экономике. В результате политические амбиции развивающихся стран в ряде случаев превысили их реальные финансовые, экономические и технико-технологические возможности.

Развивающиеся экономики, еще недавно называвшиеся многими экспертами главными драйверами глобального роста (в значительной мере так и было), в настоящее время все чаще характеризуются как «слабое звено» мировой экономики. Конечно, в таком обобщающем определении есть доля преувеличения и упрощения. Данные таблицы 1 свидетельствуют, что, несмотря на наблюдаемое торможение, темпы прироста ВВП развивающихся стран остаются (в среднем) в два с половиной раза выше аналогичного показателя развитых государств. В частности, завидную хозяйственную динамику демонстрирует Индия, сравнительно высокие темпы развития показывают страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Африки к югу от Сахары, набирает скорость экономика Египта. Есть и другие положительные примеры.

Заметно хуже дела обстоят в Латинской Америке. Это — единственный крупный регион развивающегося мира, где средние темпы прироста ВВП ниже общемирового уровня. По данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), особенно неблагоприятным для латиноамериканских стран стал 2015 г.: произошло сокращение объема регионального ВВП, ощутимо снизились инвестиции в основной капитал, резко (на 12%) упал товарный экспорт, возрос внешний долг, увеличился дефицит государственного бюджета. Экономические неурядицы потянули за собой социальную сферу, что проявилось в росте безработицы и инфляции (см. таблицу 3). Сложным, согласно имеющимся оценкам ЭКЛАК и Всемирного банка, будет и текущий год.

«Жесткая посадка» латиноамериканской экономики в решающей степени объясняется теми трудностями, которые переживают ведущие региональные экспортеры сырья и продовольствия, — Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Перу, Чили, Эквадор. Важно отметить, что в ряде стран полученные финансово-экономические травмы имели кардинальные политические последствия. В Аргентине от власти отодвинули сторонников курса бывшего президента Кристины Фернандес де Киршнер, в Венесуэле оппозиция взяла верх на парламентских выборах и т.д. Причем в Венесуэле ситуация приобрела откровенно драматический и даже гротескный характер, стала примером неэффективного и коррупционного расходования нефтяных сверхдоходов. Бывшие министры в правительстве Уго Чавеса Эктор Наварро и Хорхе Джордани заявили, что за последнее десятилетие страна

получила порядка 1 трлн долл. от экспорта углеводородов, из которых по меньшей мере одна треть была разворована через механизмы завышения цен на приобретаемые государством товары и фиктивных импортных закупок¹⁷. Экономическая политика венесуэльских властей зашла в тупик, свидетельством чего стала закупка Каракасом в январе 2016 г. (впервые в истории) нефти в США¹⁸.

Т а б л и ц а 3

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.*
ВВП (%)	2,9	2,8	1,2	-0,4
Душевой ВВП (%)	1,7	1,7	0,0	-1,5
Потребительские цены (%)	4,9	4,9	6,3	6,6
Городская безработица (%)	6,4	6,2	6,0	6,6
Инвестиции в основной капитал (% ВВП)	21,3	21,5	20,8	19,7
Внешний долг (% ВВП)	28,0	29,6	31,7	33,0
Внешний долг (% экспорта)	95,9	101,2	113,4	134,9
Экспорт товаров (млрд долл.)	1002	1007	991	876
Импорт товаров (млрд долл.)	993	1028	1027	932
Валютные резервы (млрд долл.)	836	830	857	825
Государственные доходы (% ВВП)	18,9	19,2	19,3	18,7
Государственные расходы (% ВВП)	20,9	21,5	22,0	21,7
Бюджетный дефицит (% ВВП)	-1,9	-2,3	-2,8	-3,0

* Оценка.

Источник: CEPAL. Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe, 2015. Santiago, 2015, p. 67.

Особое беспокойство в Латинской Америке и за ее пределами вызвали «экономический сбой» и политический кризис в Бразилии, являющейся крупнейшей страной региона, членом «большой двадцатки» и BRICS, претендующей на роль влиятельного глобального игрока¹⁹. Острота бразильской ситуации определяется сопряжением целого ряда негативных внешних и внутренних факторов. На внешнем периметре тяжелым ударом для бразильских экспортеров стало сокращение спроса со стороны китайских промышленных компаний, полтора десятилетия в огромных объемах потреблявших производимые Бразилией сырьевые товары, в первую очередь железную руду. (Китайские предприятия в ближайшие пять лет планируют сократить мощности по производству стали на 100-150 млн т в год.) Южноамериканские корпорации в буквальном смысле «подсели на китайскую сырьевую иглу», инвестировали миллиарды долларов в разработку новых месторождений и расширение внешнеторговой инфраструктуры. Например, ведущий бразильский горнодобывающий концерн «Vale» приобрел собственный флот судов класса «Valemax» — самых больших в мире сухо-

грузов (длина свыше 360 м, мощность двигателей 37 тыс. л.с., грузоподъемность 400 тыс. т дедвейт) для транспортировки железной руды в порты Поднебесной. В настоящее время несколько таких гигантских рудовозов проданы, а другие бездействуют и выставлены на продажу²⁰.

Не оправдали себя (по крайней мере, на сегодняшний день) многомиллиардные вложения бразильской энергетической корпорации «Petrobras» в дорогостоящую разработку глубоководных месторождений нефти и газа в Атлантическом океане. Обвал нефтяных котировок опрокинул расчеты на сравнительно быстрый возврат инвестиций и драматическим образом уменьшил биржевую капитализацию «Petrobras»: со 126,5 млрд долл. в 2008 г. до 18,3 млрд долл. в январе 2016 г. (сокращение почти на 86%)²¹. Та же участь постигла и целый ряд других ведущих компаний Бразилии, сделавших ставку на сохранение высоких цен на сырье.

Анализируя внутренние причины «латиноамериканского обвала», с большой долей уверенности можно утверждать, что один из главных факторов торможения бразильской и в целом латиноамериканской экономики — сохраняющееся в регионе огромное (по некоторым оценкам, самое большое в мире) имущественное неравенство, ставшее барьером на пути дальнейшего роста. К такому выводу пришли эксперты ЭКЛАК и базирующегося в Англии авторитетного международного благотворительного объединения «Oxfam International», проанализировавшие социальные тренды последнего времени. По их подсчетам, в период 2002—2015 гг. состояния латиноамериканских мультимиллионеров в среднем за год возрастали на 21%, что шестикратно превышало рост ВВП. При сохранении похожей динамики на рубеже 2020 г. активы 1% местных богачей превысят совокупное достояние остальных 99% населения. По мнению указанных специалистов, немалую роль в увеличении разрыва в доходах между относительно небольшой группой сверхбогатых людей и остальными жителями стран Латинской Америки играет «архаичная и дисфункциональная фискальная система», позволяющая владельцам крупных компаний или легко уходить от уплаты налогов, или сводить их до минимума. Только за один 2014 г. потери бюджетов государств региона от подобной практики составили порядка 190 млрд долл.²². Очевидно, что консервация такого положения вещей — серьезное препятствие для общественного развития, тормоз экономического прогресса.

Еще один судьбоносный глобальный вызов латиноамериканским и другим развивающимся странам — неотвратимо надвигающаяся новая (четвертая по счету) промышленная революция²³. На ВЭФ в Давосе в 2016 г. эксперты швейцарского банка UBS подготовили и представили участникам форума исследование ряда принципиально значимых факторов, определяющих степень готовности тех или иных стран к участию в четвертой промышленной (технологической) революции. Аналитики UBS исследовали состояние дел в таких ключевых сферах, как гибкость структуры рабочей силы; сравнительный уровень профессиональной подготовки; возможности национальных образовательных систем приспосабливаться к меняющимся производственным условиям; состояние экономической инфраструктуры; степень правовой защищенности бизнеса, и вывели агрегированный индекс, на базе которого составили рейтинг относительной адаптивности государств к требованиям складывающегося очередного технологического уклада — основы «новой экономики» XXI в. (см. таблицу 4).

**РЕЙТИНГ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СТРАН
К ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(максимальный уровень индекса — 1)**

№	Страна	Индекс	№	Страна	Индекс
1	Швейцария	3,4	24	Чехия	38,2
2	Сингапур	4,9	25	Южная Корея	41,5
3	Нидерланды	9,4	26	Чили	45,5
4	Финляндия	10,1	27	Испания	47,6
5	США	10,2	28	Китай	51,4
6	Великобритания	10,2	29	Казахстан	55,6
7	Гонконг	11,5	30	Польша	56,5
8	Норвегия	11,9	31	Россия	63,5
9	Дания	12,5	32	Таиланд	63,8
10	Новая Зеландия	13,6	33	Италия	64,5
11	Швеция	14,2	34	Венгрия	64,7
12	Япония	15,4	35	Южная Африка	66,0
13	Германия	15,9	36	Греция	67,6
14	Ирландия	15,9	37	Филиппины	70,0
15	Канада	16,9	38	Индонезия	70,8
16	Тайвань	19,7	39	Турция	75,7
17	Австралия	20,7	40	Колумбия	82,4
18	Австрия	22,0	41	Индия	83,4
19	Бельгия	22,8	42	Мексика	85,0
20	Франция	27,4	43	Бразилия	92,2
21	Израиль	28,1	44	Перу	92,8
22	Малайзия	29,0	45	Аргентина	95,0
23	Португалия	35,4			

Источник: UBS. Extreme automation and connectivity: The global, regional, and investment implications of the Fourth Industrial Revolution. January 2016. — <https://www.ubs.com/>

Из приведенного рейтинга следует, что ни одна развивающаяся страна не входит в число топ-20 государств — лидеров мирового научно-технического прогресса. Например, Китай, предпринявший в последние десятилетия титанические усилия по развитию национальной науки и техники, находится лишь на 28-м месте. Еще слабее позиции у других крупнейших африканских, азиатских и латиноамериканских стран: ЮАР, Филиппин, Индонезии, Турции, Мексики, Бразилии, Аргентины, Колумбии. Даже Индия, известная своими успехами в информационных технологиях, занимает весьма скромное 41-е место.

Разворот в сторону «новой экономики» меняет и корпоративную карту мира, на которой происходит интенсивная ротация в верхушке глобального бизнеса: традиционно занимавшие верхние строчки всех рейтингов энергетические и промышленные ТНК («Exxon Mobile», «Shell», «Chevron»,

«General Electric», «Toyota», «General Motors» и т.д.) уступили первые места корпорациям, связанным с высокими технологиями и находящимся на пике научно-технологического прогресса. В результате на начало 2016 г. первую мировую тройку по размерам капитализации образовали компании, занятые в сфере информационных технологий: «Apple», «Alphabet» и «Microsoft» (все американские), чья совокупная капитализация превысила астрономическую сумму в 1,4 трлн долл., что сопоставимо с ВВП такой крупной экономически развитой страны, как Испания. В целом в топ-20 крупнейших корпораций вошли девять компаний ключевых отраслей «новой экономики»: информационные технологии, электронная торговля, фармацевтика и телекоммуникации (см. таблицу 5).

Т а б л и ц а 5

**КРУПНЕЙШИЕ КОМПАНИИ ПО РАЗМЕРУ БИРЖЕВОЙ
КАПИТАЛИЗАЦИИ (млрд долл., на 31 декабря 2015 г.)**

№	Компания	Страна	Сектор экономики	Биржевая стоимость
1	Apple	США	Информационные технологии	538,4
2	Alphabet (Google)	США	Информационные технологии	484,4
3	Microsoft	США	Информационные технологии	406,6
4	Berkshire Hathaway	США	Конгломерат	298,4
5	Exxon Mobil	США	Энергетика	297,7
6	Amazon	США	Электронная торговля	290,7
7	Facebook	США	Информационные технологии	271,5
8	General Electric	США	Конгломерат	269,7
9	Johnson & Johnson	США	Потребительские товары	217,7
10	Wells Fargo	США	Финансы	254,7
11	JPMorgan Chase	США	Финансы	223,0
12	ICBC	КНР	Финансы	222,5
13	Roche	Швейцария	Фармацевтика	218,5
14	Nestle	Швейцария	Продовольствие	217,7
15	Novartis	Швейцария	Фармацевтика	212,9
16	China Mobile	КНР	Телекоммуникации	212,1
17	Petrochina	КНР	Энергетика	203,7
18	Procter & Gamble	США	Потребительские товары	198,2
19	AT&T	США	Телекоммуникации	194,2
20	Toyota Motor	Япония	Автомобилестроение	190,5

Источник: Los gigantes de la economía mundial en 2015. — El País. Madrid, 1.01.2016.

Смена лидеров в списке ведущих корпораций акцентировала ослабление мировых финансово-экономических позиций развивающихся, в том числе латиноамериканских, государств, чьи компании (за исключением ряда китайских гигантов) резко сократили свое представительство в элите глобального бизнеса.

В обозримой перспективе социально-экономическое положение в большинстве развивающихся стран испытает на себе разнонаправленное воздействие меняющейся международной конъюнктуры и до конца неясных последствий разворота мировой экономики от «сырьевого суперцикла» к четвертой технологической революции. Поскольку в новой глобальной парадигме интересы многих государств Азии, Африки и Латинской Америки могут оказаться ущемленными, то весьма вероятно обострение их геостратегического противостояния с Западом, которое, впрочем, будет сочетаться с попытками эффективнее приобщиться к формирующимся реалиям передового научно-производственного уклада, вписаться в глобальные цепочки создания стоимости, в том числе через более тесное взаимодействие с высокотехнологичными ТНК. Таким образом, складывается весьма подвижная и во многом неопределенная (трудно предсказуемая) ситуация, рождающая больше вопросов, чем дающая ответов.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: КОНТУРЫ НОВОЙ МОДЕЛИ РОСТА

Происходящая в мире перегруппировка экономических сил на данном этапе обещает основные дивиденды развитым государствам Запада, готовым мощно задействовать фактор своего безусловного научно-образовательного, инновационно-технологического превосходства. Что касается значительного числа латиноамериканских и других развивающихся стран, то им придется одновременно отвечать на новые внешние и внутренние вызовы, и это делает их положение особенно сложным и уязвимым. Но при всей очевидной важности внешних факторов будущее Латинской Америки в решающей степени будет зависеть от способности властей и местных бизнес-сообществ мобилизовать имеющиеся в их распоряжении крупные внутренние ресурсы и выработать точные институциональные решения. Критически необходимо провести давно назревшие структурные реформы, создать дополнительные точки роста, расширить национальные инновационные системы координат и сформировать модели развития, отвечающие на современные технологические запросы. Другими словами, в актуальной повестке дня — задача переломить негативные тренды хотя бы для того, чтобы не допустить еще большего отставания Латинской Америки от передовых в экономическом, научном и технико-технологическом отношении государств²⁴. Императивным образом вступает в силу принцип шахматной Черной Королевы из «Алисы в Зазеркалье»: «Чтобы остаться на том же месте, приходится бежать со всех ног».

В данной связи подчеркнем следующее: в Латинской Америке для устойчивого экономического развития нет количественных ресурсных ограничений — сырьевых, продовольственных, трудовых, финансовых. Проблема состоит в эффективном использовании этих ресурсов и (где необходимо) улучшении их качественных характеристик. Решение указанной проблемы видится в стратегическом переходе экономик латиноамерикан-

ских стран на новую модель функционирования, системообразующие принципы которой можно сформулировать следующим образом:

- приоритетное внимание постоянному повышению качества человеческого капитала и сокращению социальных дисбалансов;

- региональная конвергенция национальных производственных систем на базе углубления интеграционных процессов и реализации масштабных трансграничных инфраструктурных проектов;

- лидирующая роль местных транснациональных корпораций («мультилатинас») в процессе активного включения латиноамериканских предприятий в глобальные цепочки создания стоимости.

Особенно важен макроэкономический смысл инклюзивной стратегии общественного развития — существенного повышения доходов основной массы населения, ликвидации вопиющего имущественного неравенства и решения других острых социальных проблем, например, проведения сбалансированной налоговой реформы и ограничения огромного неформального сектора в экономике, на долю которого приходится 47% всех занятых в неаграрном секторе (с учетом сельскохозяйственных рабочих этот процент будет еще выше)²⁵. Без выправления имеющихся социальных перекосов невозможно обеспечить поступательное увеличение емкости внутреннего рынка — неперемennого условия роста национального производства товаров и услуг.

Другая актуальная задача первостепенной значимости — придать импульс пространственному развитию, расширению ареала производственной и торговой активности, вовлечению в нее тех обширных районов Латинской Америки, которые до настоящего времени находятся на обочине хозяйственной деятельности. Здесь ключевой момент — комплексная модернизация хозяйственной инфраструктуры, включая ее дорожно-транспортную составляющую: строительство сквозных трансграничных артерий, способных развязать имеющиеся узлы и создать благоприятные условия для роста сельскохозяйственного и промышленного производства и увеличения объемов внутренней и внешней торговли. Для будущего экономики региона это, без преувеличения, вопрос жизни и смерти. По данным ЭКЛАК, в последнее десятилетие инвестиции латиноамериканских стран в развитие инфраструктуры в среднем в год составляли 2,7% ВВП, что было явно недостаточно. На период до 2020 г. такие капиталовложения, по оценкам экспертов, должны ежегодно превышать 6% ВВП или (в ценах 2012 г.) порядка 320 млрд долл.²⁶. Очевидно, что речь идет о весьма значительном увеличении финансирования инфраструктурных проектов, которое невозможно без крупных иностранных инвестиций.

Наконец, в рамках новой модели роста роль региональных бизнес-лидеров призваны сыграть «мультилатинас», в последнее десятилетие набравшие значительный вес в латиноамериканской экономике и финансах²⁷. Эти крупнейшие компании должны обеспечить достижение двух тесно стыкующихся целей: возглавить процесс внутренней технико-технологической инноватизации и модернизации; осуществить прорыв на глобальные рынки, ощутило консолидировав международное присутствие предприятий стран Латинской Америки и расширив их участие в глобальных цепочках создания добавленной стоимости.

Существенное значение имеет то, что в Латинской Америке (как в целом в глобальной экономике) меняется расклад сил в местном бизнес-

сообществе, прежде всего в группе «мультилатинас». В условиях завершения «сырьевого суперцикла» значительно ослабили позиции нефтегазовых и горнорудных корпораций, но одновременно возросло влияние компаний, связанных с высокотехнологичными производствами и услугами. По агрегированному индексу интернационализации (включает ряд ключевых критериев международной активности) в 2015 г. по сравнению с 2014 г. целый ряд промышленных и сервисных «мультилатинас» существенно улучшили свои показатели в рейтинге латиноамериканских ТНК, потеснив «сырьевиков». В частности, мексиканская нефтехимическая корпорация «Mexichem» передвинулась с 9-го места на 1-ое, производитель автомобильных запчастей «Nemak» (Мексика) — с 18-го на 9-ое, чилийская высокотехнологичная компания «SONDA» — с 19-го на 12-ое, финансовая группа «Grupo SURA» (Колумбия) — с 54-го на 24-ое, аэрокосмический концерн «Embraer» (Бразилия) — с 66-го на 33-е и т.д. Впервые в список топ-100 «мультилатинас» вошли: производитель программного обеспечения «SOFTTEK» (Мексика), аргентинский авиаперевозчик «Aerolíneas Argentinas», компания медицинского страхования «Banmédica» (Чили), телекоммуникационная фирма «Telemar» (Бразилия)²⁸.

Таким образом, в современных геоэкономических обстоятельствах передовой в технологическом отношении отряд латиноамериканского бизнеса усматривает наиболее перспективные опоры роста в отраслях «новой экономики», что является стратегическим вектором адаптации региона к меняющимся внешним условиям и образует одну из главных черт будущей модели развития.

Факты последнего времени и формирующиеся ключевые макротенденции свидетельствуют о том, что ближайшие годы станут переломными в развитии мировой экономики и торговли. Начавшийся процесс глубоких трансформаций, судя по всему, будет тяжелым для немалого количества стран, хотя каждая страна «будет несчастной по-своему».

Среди государств, несущих максимальные потери от очередных глобальных потрясений и сдвигов, фигурируют экспортеры сырья, не воспользовавшиеся тем уникальным историческим шансом, который им дали «тучные» годы высоких цен на *commodities*, «заболтавшие» собственную модернизацию и не диверсифицировавшие в надлежащей мере свои экономики. В их числе оказались и латиноамериканские страны, у которых возросли геоэкономические риски, и практически не осталось «хороших» и «легких» решений возникших проблем. Латинская Америка попала в стратегический пугцванг: шаг вперед в любом направлении сопряжен с крупными издержками, потерями и жертвами, чреват малоприятными сюрпризами. Но констатация этих трудностей — не повод для пессимизма, а стимул для продуманных и активных действий, нацеленных на обновление региональных институтов, производственных структур и механизмов.

Предпосылками и условиями перехода на новую модель роста являются: проведение структурных реформ, эффективное использование имеющихся в странах региона ресурсов и становление нового технологического уклада на базе приоритетного повышения качества человеческого капитала, комплексной модернизации и инноватизации латиноамериканской экономики.

- ¹ Who's afraid of cheap oil? Jan 23rd 2016. — Available at: <http://www.economist.com/node/21688854/print> (accessed 10.02.2016).
- ² D.F e r n á n d e z. Los países ricos marcan el paso de la economía. — El País. Madrid, 27.12.2015.
- ³ A.G o n z á l e z. La economía global afronta su mayor desafío desde la crisis. — El País, 23.1.2016.
- ⁴ China supera los 100 millones de inversores de bolsa. 30 enero 2016. — Available at: <http://www.efe.com/efe/espana/> (accessed 3.02.2016).
- ⁵ IIF — Institute of International Finance. January 2016 Capital Flows to Emerging Markets. January 19, 2016. — Available at: <https://www.iif.com/> (accessed 5.02.2016).
- ⁶ E.Z u e s s e. Obama's Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) Would Be Disastrous for Europe. November 18, 2014. — Available at: <http://www.globalresearch.ca/> (accessed 1.02.2016).
- ⁷ S.B a s u D a s. The Trans-Pacific Partnership as a tool to contain China: myth or reality? 8 June 2013. — Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/06/08/> (accessed 6.02.2016).
- ⁸ В.В.М и х е е в, В.Г.Ш в ы д к о. АТЭС и Тихоокеанское партнерство [V.V. Mikheev, V.G. Shvydko. ATEs i Tikhookeanskoe partnerstvo] [APEC and Trans Pacific Partnership] 08.12.2015. — Available at: <http://www.imemo.ru/> (accessed 5.02.2016).
- ⁹ U.S. International Trade in Goods and Services. December 2015. — Available at: <http://www.bea.gov/newsreleases/> (accessed 3.02.2016).
- ¹⁰ N.I r w i n. If There Is a Recession in 2016, This Is How It Will Happen. — The New York Times, February 4, 2016.
- ¹¹ EU governments call on Brussels to tackle China over steel. — Financial Times. London, February 6, 2016.
- ¹² А.Р а т н и к о в. ЕЦБ запустил программу количественного смягчения на €1,1 трлн. [A.Ratnikov. ETsB zapustil programmu kolichestvennogo smygcheniya na €1,1 trln]. [ECB began the program of quantitative easing of €1,1trillion]. — Available at: <http://www.rbc.ru/finances/22/01/2015/> (accessed 5.01.2016).
- ¹³ Who's afraid of cheap oil? Jan 23rd 2016. — Available at: <http://www.economist.com/node/21688854/print> (accessed 31.01.2016).
- ¹⁴ A.B o l a ñ o s. La caída del precio del petróleo lleva a BP sufrir el peor resultado en 20 años. — El País, 2.02.2016.
- ¹⁵ Chevron Reports Fourth Quarter Loss of \$588 Millon And 2015 Earnings of \$4.6 Billon. January 26, 2016. — Available at: <http://www.chevron.com/pressreleases/> (accessed 30.01.2016).
- ¹⁶ П.П.Я к о в л е в. Геополитический разворот стран Латинской Америки. — Мировая экономика и международные отношения, 2014, № 7, с. 55—66. [P.Yakovlev. Geopoliticheskii razvorot stran Latinskoi Ameriki] [Geopolitical turn of Latin America]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2014, № 7, p. 55—66.
- ¹⁷ Ex ministros de Hugo Chávez denuncian malversación de US\$300.000M en la última década. 3.02.2016. — Available at: <http://www.americaeconomia.com/> (accessed 5.02.2016).
- ¹⁸ Venezuela compra petróleo a EE.UU. por primera vez en su historia. 3.02.2016. — Available at: <http://www.americaeconomia.com/> (accessed 5.02.2016).
- ¹⁹ П.П.Я к о в л е в. Новые горизонты оборонно-промышленного комплекса. — Латинская Америка, 2014, № 3. [P.P.Yakovlev. Novye gorizonty oboronno-promyshlennogo kompleksa] [New horizons of industrial-defense complex]. Latinskaya Amerika, 2014, № 3.
- ²⁰ Vale to Collect \$448 Millon from Sale of Four Giant 'Valemax' Ships to China. July 30th, 2015. — Available at: <http://www.marinetraffic.com/es/maritime-news/article/3111> (accessed 13.01.2016).
- ²¹ Petrobras pierde un 85,55% de su valor de mercado desde su record en 2008. 19 enero, 2016. — Available at: <http://www.infolatam.com/> (accessed 12.02.2016).
- ²² América Latina y el Caribe es la región más desigual del mundo. ¿Cómo solucionarlo? 25 de enero de 2016. — Available at: <http://www.cepal.org/es/print/35842> (accessed 11.02.2016).
- ²³ П.М а р ш. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. М., 2015. [P.Marsh. Novaya promyshlennaya revolyutsiya. Potrebiteli, globalizatsiya i konets massovogo proizvodstva] [New industrial revolution. Consumers, globalization and the end of mass production]. Moscow, 2015.

²⁴ П.П.Яковлев. Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений. — Латинская Америка, 2015, № 8. [P.P. Yakovlev. Latinskaya Amerika na perelome trendov. Opyt osmysleniya novykh yavlenii] [Latin America at the turn of trends. Experience of understanding new phenomena]. Latinskaya Amerika, 2015, № 8.

²⁵ D.I t r i a g o. La política fiscal como instrumento de desarrollo en América Latina y Caribe. — Economía Exterior. Madrid, Otoño 2014, N 70, p. 23.

²⁶ Países de la región deberían invertir 6,2% del PIB anual para satisfacer demandas de infraestructura. 13 de octubre de 2014. — Available at: <http://www.cepal.org/es/print/18587> (accessed 4.02.2016).

²⁷ П.П.Яковлев. «Мультилатинас»: трансграничный рывок латиноамериканского бизнеса. — Латинская Америка, 2013, № 6, с. 51—66. [P.P.Yakovlev. «Mul'tilatinas»: transgranichnyi ryvok latinoamerikanskogo biznesa] [Multilatinas: transboundary spurt of Latin American business]. Latinskaya Amerika, 2013, № 6, p. 51—66.

²⁸ Ranking Multilatinas 2015. — Available at: <http://rankings.americaeconomia.com/multilatinas-2015> (accessed 7.02.2016).

Petr P. Yakovlev (petrp.yakovlev@yandex.ru)

Doctor of Economics, Chief of the Center of Iberian Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences; Professor of the Chair of the International Economic Activities, Plekhanov Russian University of Economics

Latin America in the conditions of global instability

Abstract: The global economy is undergoing a controversial, unstable period of its development, coupled with a profound qualitative changes. Processes in the world, have a different impact on the situation of Latin American countries, confronted with new challenges and tasks of strategic order. In the current agenda of the States of the region they have to carry out structural reforms, alleviate social inequalities and restart the national economic growth models. The solution of these issues will be decisive for the future of Latin America.

Key words: global economy, the commodity super cycle, Latin America, technological revolution, mega blocks